

УДК (575+58):001.32+929 Вавилов Н.И.

ПОВИННЫ В СМЕРТИ
(хроника жизни Николая Ивановича Вавилова)

Ю.Н. ВАВИЛОВ, В.И. ГЛАЗКО

Рассматриваются этапы-жизни и творчества Н.И. Вавилова выдающегося ученого, организатора, основателя целого ряда научных направлений, в контексте глобальных социальных изменений, потрясших Россию в первой половине XV века. Авторами выдвигается гипотеза реальных причин и обстоятельств ареста и смерти ученого.

Ключевые слова: Н.И. Вавилов, генетика, Россия, социум, традиции, катаклизмы, сельское хозяйство, Сталин.

XX столетие стало не только веком ядерной физики, но и биологии. Н.И. Вавилову принадлежит целый ряд фундаментальных открытий в этой науке, изменивших научную картину мира и взятых на вооружение исследователями разных стран. Н.И. Вавилов является прообразом нового типа ученого: его ум, организованность, эрудиция и феноменальная работоспособность удивляли современников. В плеяде крупнейших деятелей мировой науки он, несомненно, звезда первой величины. С течением времени интерес к достижениям Н.И. Вавилова в теоретической и экспериментальной генетике и селекции не ослабевает, несмотря на лавинообразный рост новых знаний. К ключевым направлениям, оказавшим кардинальное влияние на современную науку, созданным Н.И. Вавиловым, прежде всего относятся следующие: 1) закон гомологических рядов в наследственной изменчивости, 2) учение о центрах происхождения культурных растений, 3) представление о сложной полиморфной структуре биологических видов, 4) учение о геногеографии.

До сих пор многое из научных трудов Н.И. Вавилова не получило должного освещения. По иронии судьбы, одной из причин этого является широкий спектр научных направлений, которые он развивал. Энциклопедический ум Н.И. Вавилова умел охватить и сблизить многие специальные отрасли биологии и селекции, теорию эволюции, генетику и другие науки. Благодаря Н.И. Вавилову в России в начале 20-х гг. XX в. произошел расцвет практической и теоретической биологии. К сожалению, в дальнейшем она стала жертвой идеологической борьбы и была практически запрещена. Реальная возможность снабдить страну новыми перспективными сортами растений и решить проблему обеспечения населения продовольствием была отодвинута в далекое будущее [7].

Проблемы сельского хозяйства были важнейшими для России во все времена. Страна, в которой родился в конце XIX в. Н.И. Вавилов, была традиционно аграрной, тем не менее, по воле судеб и благодаря реформам правительства, активно вступившей на путь модернизации. Большинство населения руководствовалось в своей жизни обычаями, формировавшимися веками, которые были нормой жизни не только всего сельского населения, но и значительной части горожан, ставшими ими только

после Великих реформ. Проблемы разрушения общины, аграрного перенаселения, дробления наделов, обезземеливания крестьянства, становления новой ментальности привлекали пристальное внимание правительства, о чем свидетельствуют реформы П.А. Столыпина. Традиционная структура общества менялась значительно медленнее, чем индустриальный сектор экономики. По мнению ряда исследователей, страна не могла остаться великой державой без модернизационных изменений во всех сферах жизни.

Правительство и образованные круги общества осознавали значимость науки и научных достижений для обеспечения ее защищенности и независимости. Агрonomическое образование в то время было одним из самых престижных и популярных в России. Среди сельскохозяйственных учебных заведений почетное место занимал Московский сельскохозяйственный институт — МСХИ (ныне Российский государственный аграрный университет — Московская сельскохозяйственная академия имени К.А. Тимирязева). Он дал стране и миру плеяду блестящих имен — А.Г. Дояренко, А.В. Чайнов, Н.Д. Кондратьев и многие др. Выпускником его был и Н.И. Вавилов. Еще будучи студентом Петровки, он руководил основанным им в МСХИ студенческим кружком любителей естествознания. В 1908 г. Н.И. Вавилов провел первые ботанико-географические исследования Северного Кавказа и Закавказья с группой членов кружка любителей естествознания. В 1909 г. Н.И. Вавилов, студент III курса, выступил с докладом «Дарвинизм и экспериментальная морфология» на торжественном заседании МСХИ, посвященном 100-летию со дня рождения Чарльза Дарвина. В 1910 г. Н.И. Вавилов принимал участие в работе XII съезда русских естествоиспытателей и врачей г. Москвы, получил премию Московского политехнического музея им. А.П. Богданова за дипломную работу «Голые слизни (улитки), повреждающие поля и огороды в Московской губернии», проходил практику на Полтавской сельскохозяйственной опытной станции [1, 9].

В 1911 г. Н.И. Вавилов окончил МСХИ и был оставлен на кафедре частного земледелия для подготовки к научно-преподавательской деятельности под руководством профессора Д.Н. Прянишникова, а также избран преподавателем высших женских Голицынских сельскохозяйственных курсов. В 1911-1912 гг. он проходил практику в г. Санкт-Петербурге: в Бюро по прикладной ботанике под руководством Р.З. Регеля, а также в Бюро по микологии и фитопатологии под руководством А.А. Ячевского. В 1913-1914 гг. его командировали за границу на стажировку, где он работал в ведущих генетических и растениеводческих учреждениях Великобритании, Франции и Германии. Большую часть времени Николай Иванович провел в Мертоне (Англия) в генетической лаборатории Садоводческого института, возглавляемого одним из крупнейших генетиков того времени, ставшим его учителем, В. Бэтсоном. Там он продолжил исследование иммунитета хлебных злаков. Несколько месяцев Николай Иванович работал в лаборатории генетики Кембриджского университета у профессоров Пеннета и Бивена. Результаты работы Н.И. Вавилова в Англии, в Институте садоводства, который возглавлял У. Бэтсон, по его словам, «первый апостол нового учения» (генетики) оказали существенное влияние на развитие его дальнейших научных интересов на всю оставшуюся жизнь. Вавилову было что читать и чему учиться.

Вернувшись в Россию в 1914 г., Н.И. Вавилов преподавал в МСХИ, где сдал магистерские экзамены и защитил магистерскую диссертацию после чего совершил первую поездку на Саратовскую и Краснокутскую сельскохозяйственные опытные станции. В 1916 г. он был приглашен военным ведомством на фронт для научной консультации. Организовал и провел экспедиции в Иран и Горный Таджикистан (Па-

мир). Впервые в науке приступил к созданию мировой коллекции культурных растений.

В 1917 г. он избран профессором кафедры частного земледелия и селекции Воронежского сельскохозяйственного института, позднее — помощником заведующего Бюро по прикладной ботанике и селекции бывшего сельскохозяйственного «Ученого Комитета».

В имперской России противоречия между всеми слоями общества и правительством привели к социальным катаклизмам, в которых творческая интеллигенция не поддержала коронную администрацию (в основном она была в рядах ее противников), результатом чего стала эмиграция двух миллионов россиян и гибель еще большего числа людей в ходе революций и гражданской войны.

Первоначально советское правительство старалось привлечь на свою сторону все категории населения, в т.ч. и ученых. Уже 9 ноября 1917 г. ВЦИК обсудил и утвердил декрет СНК РСФСР о Государственной комиссии по народному просвещению, в составе которой предусматривалось создание Научного отдела. Был основан журнал «Известия Российской академии наук». Естественные науки, и в их числе генетика, получают государственную поддержку. Однако, несмотря на внимание к естественным наукам, уже в первые послереволюционные годы подвергались гонениям социальные науки: история, философия и те течения общественной мысли, которые хоть в малейшей мере оппонировали или выходили за рамки марксистской догмы. Были расформированы Академия наук, а потом и научные общества царской России.¹ Менялись нормы и ценности научного сообщества: наука все более подчинялась партийно-государственному контролю, шла идеологизация и политизация многих отраслей знания. По мнению советского правительства, наука должна обеспечивать «социалистическое строительство и осуществлять реализацию партийных планов» [7, 17].

В 1917 г. Н.И. Вавилов был приглашен в Саратов для работы в Высших сельскохозяйственных курсах. Как показали последующие события в Петровке, это был правильный выбор. Ученый организовал и возглавил саратовское отделение Отдела прикладной ботаники и селекции Сельскохозяйственного ученого комитета Наркомзема РСФСР. 1917-1921 гг. были временем активной творческой деятельности Н.И. Вавилова, несмотря на голод и гражданскую войну.

В 1919 г. вышла в свет фундаментальная работа Н.И. Вавилова «Иммунитет растений к инфекционным заболеваниям». В 1919-1921 гг. он профессор, заведующий кафедрой частного земледелия (растениеводства) и селекции агрономического факультета Саратовского университета (в 1922 г. вышеуказанный факультет реорганизован в агрономический факультет Саратовского сельскохозяйственного института).

В 1920 г. Н.И. Вавиловым были организованы и проведены экспедиции в Астраханскую, Царицынскую, Саратовскую и Самарскую губернии. Н.И. Вавилов приступил к изучению растительных ресурсов юго-востока России и к исследованию мягких пшениц. Вышла в свет работа «Происхождение культурной ржи». 4 июня этого года он выступил с докладом «Закон гомологических рядов в наследственной изменчивости» на III Всероссийском селекционном съезде (г. Саратов). В октябре он встретился с И.В. Мичуриным в г. Козлове (ныне г. Мичуринск), с которым была достигнута договоренность о публикации совместных работ [17, 19].

---

¹ До 1917 г. в России насчитывалось только сельскохозяйственных обществ более 3952 ед.

В 20-е гг. политика новой власти по отношению к деятелям дореволюционной России кардинально меняется, идет их «выдавливание» во всех отраслях науки в большинстве крупнейших вузов страны. Одновременно взят курс на создание качественно новой (советской) интеллигенции.

В июне 1921 г. в Москве проходил VII Всероссийский съезд по сельскохозяйственному опытному делу, на котором в основном обсуждались вопросы организации совместной государственной и общественной помощи голодающим. Но невинная фраза о том, «... что не только солнце, но и руки властей являются причиной голода...», перечеркнула дальнейшую жизнь организаторов и участников Комитета помощи голодающим (Помгол). Узнав из доносов об этой фразе, 26 августа В.И. Ленин направил письмо И.В. Сталину и всем членам Политбюро ЦК РКП (б), в котором предложил распустить Комитет, арестовать, выслать его членов из Москвы, «разместив их по одному в уездных городах по возможности без железных дорог, под надзор». На следующий день Политбюро приняло решение об аресте членов Помгола. По обвинению в «контрреволюционной» деятельности, связях с «антоновщиной» и «преступных» сношениях с заграницей репрессиям подверглись многие члены Помгола. Всего по делу Всероссийского комитета помощи голодающим 27 августа 1921 г. было арестовано 14 человек, в т.ч. и А.Г. Дояренко. 29 августа репрессиям подверглись еще около 60 человек, среди которых был и А.В. Чайнов [20, 21].

В Петрограде в это время умер Р.Э. Регель. Н.И. Вавилову предложили возглавить его Отдел в этом городе. Решение было принято им не сразу. В Саратове научная деятельность и быт были налажены. В Петрограде в то время была картина полной разрухи и голода. В 1921 г. Н.И. Вавилов переехал в Петроград, где был заведующим Отделом прикладной ботаники и селекции Сельскохозяйственного ученого комитета и назначен научным консультантом Наркомзема РСФСР по вопросам закупки и ввоза семян из США. Позже он был командирован на Международный фитопатологический и на агрономический конгрессы в США, на котором выступил с докладом [8, 9].

В 1921-1922 гг. Н.И. Вавилов посетил в целях изучения научных достижений в области сельского хозяйства крупнейшие биологические и агрономические институты США, Канады, Англии, Франции, Германии, Швеции и Нидерландов. С 1921 по 1929 г. он является профессором кафедры генетики и селекции Ленинградского сельскохозяйственного института и редактором научного журнала «Труды по прикладной ботанике, генетике и селекции». В 1922 г. Н.И. Вавилов назначен членом оргкомитета Первой всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки в Москве.

26 апреля 1922 г. в ВЧК поступила телефонограмма от секретаря Президиума ВЦИК А.С. Енукидзе, который, в связи с ходатайством Политического Красного Креста ходатайствовал о досрочном освобождении высланных членов Помгола и возвращении их в Москву. Часть участников Помгола в июне 1922 г. была выслана за границу в составе «философского» парохода. К сожалению, Н.Д. Кондратьев не был выслан в 1922 г., т.к. находился под следствием по делу эсеровской партии.

Многие из оставшихся на свободе готовились к высылке из Советской России. Арестованы и намечены к высылке за рубеж не только ученые и писатели, но их дети. Например, дочь А.Г. Дояренко — Евгения, сын Жегалова и другие ученые и писатели. Им инкриминировались антисоветские контрреволюционные взгляды и участие в студенческой организации, протестовавшей против высылки профессоров и преподавателей [4, 15].

Несмотря на принадлежность к Помголу, вопрос о высылке А.В. Чайнова, А.Г. Дояренко, Н.Д. Кондратьевым, Л.Н. Литошенко и ряда других ученых не поднимался. Они принимали участие в состоявшемся в марте 1922 г. Всероссийском агрономическом съезде. А.Г. Дояренко, как и другие будущие участники «Дела ЦК Трудовой крестьянской партии», не был арестован. Но материал на ученых собирался: они упоминались в ряде чекистских справок, обзоров и циркулярных писем.

В такой непростой обстановке разворачивалась научная и организаторская деятельность Н.И. Вавилова. 20 ноября 1923 г. в результате его усилий СНК РСФСР принял декрет «О признании опытного питомника И.В. Мичурина учреждением, имеющим государственное значение». Н.И. Вавилов организовал публикацию трудов И.В. Мичурина, принял активное участие в создании Биологического научно-исследовательского института имени К.А. Тимирязева. По инициативе Н.И. Вавилова был образован Всесоюзный институт прикладной ботаники и новых культур на базе Бюро по прикладной ботанике РЭ. Регеля (с 1930 г. — Всесоюзный институт растениеводства)[2, 4].

В 1923 г. Н.И. Вавилов был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР, организовал «географические опыты» по изучению изменчивости растений на территории Советского Союза и заложил основу системы Государственного сортоиспытания полевых культур. С 1923 по 1929 г. Н.И. Вавилов — директор Государственного института опытной агрономии в Ленинграде. В это время он приступил к разработке вопроса о происхождении культурных растений, им была опубликована работа «К познанию мягких пшениц». В 1924 г. ученый был утвержден в должности директора Всесоюзного института прикладной ботаники и новых культур (ВПИБиНК). Вавилов организовал и лично участвовал в экспедиции в Афганистан.

Начиная с 1924 г. в СССР идет активный процесс образования новых научных обществ в свете официальной идеологии — марксизма. Так, при Комакадемии в Москве были организованы общества материалистов, врачей-материалистов, воинствующих-материалисто-диалектиков, статистиков-марксистов, марксистов-государственников и т.д. Естественнонаучная проблематика заняла существенное место и в Институте красной профессуры, где в 1924 г. возникло естественное отделение, которое затем выделилось в самостоятельный Институт красной профессуры философии и естествознания, наряду с тремя другими институтами. Вместе с Комакадемией эти институты, как наиболее престижные, с середины 20-х гг. стали заметно отеснять Академию наук на задний план. В декабре 1924 г. в Комакадемии создана Секция естественных и точных наук под руководством О.Ю. Шмидта, в штат которой вошли А.Н. Бах, С.Н. Навашин и В.Г. Фесенков.

23 июня 1925 г. СНК СССР принял постановление об учреждении премии имени В.И. Ленина за достижения в области науки. Вавилов стал одним из пяти первых ее лауреатов. 27 июля ЦИК СССР и СНК СССР приняли постановление «О признании Российской Академии наук высшим ученым учреждением Союза ССР». Она была переименована в Академию наук Союза Советских Социалистических Республик.

Тогда же в Комакадемии были организованы Аграрная секция во главе с Л.Н. Крицманом и Кооперативная секция под председательством В.П. Милютина.

В 1925 г. на первом расширенном заседании совета Института прикладной ботаники и новых культур, состоявшемся в Кремле, Н.И. Вавилов выступил с докладом «Очередные задачи сельскохозяйственного растениеводства (растительные богатства земли и их использование)». Он организовал и принял участие в экспедиции в Хорезм. За тяжелейшее путешествие по Афганистану Русским географическим

обществом ему присуждена золотая медаль имени Н.М. Пржевальского «За географический подвиг».

В 1926 г. Н.И. Вавилов назначен членом Комиссии по научному исследованию Монголии и Тувы. Вышла в свет работа «Центры происхождения культурных растений». Была предпринята экспедиция в Сирию, Палестину, Трансиорданию, Алжир, Тунис, Марокко, Францию, Италию с островами Сицилия и Сардиния, в Грецию с островом Крит и на Кипр, чуть позже в Эфиопию и Эритрею. В 1926-1935 гг. он является членом Центрального исполнительного комитета СССР. С 1927 по 1937 г. Н.И. Вавилов — член Центрального исполнительного комитета СССР, в 1927-1929 гг. — Всесоюзного ЦИКа, депутат Ленинградского совета, член коллегии Наркомата земледелия СССР. С 1927 по 1937 г. Н.И. Вавилов — член Центрального исполнительного комитета СССР.

В это время он принимает участие в работе V Международного генетического конгресса, на котором выступил с докладом «Мировые центры сортовых богатств (генов) культурных растений», а также в Международном конгрессе экспертов по сельскому хозяйству в Римском международном аграрном институте, на котором был заслушан его доклад «О предварительных результатах географических опытов в СССР». В 1928 г. Н.И. Вавилов участвует в работе III Всесоюзного съезда ботаников в Ленинграде, на котором выступил с докладом о географической изменчивости растений. Тогда же Н.И. Вавилов избран Почетным членом Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии.

К весне 1928 г. Н.И. Вавилов стал ученым мирового уровня, написал полсотни научных трудов, содержавшие немало научных открытий, руководил научными экспедициями, собирая коллекцию семян культурных растений, активно участвовал в научных форумах в СССР и за рубежом.

В январе 1929 г. Вавилов избран академиком АН СССР (было прервано заседание генетического съезда в Ленинграде, и под гром аплодисментов ему объявили об избрании) [7, 9-11].

20 апреля 1926 г. СНК СССР принял постановление «Об образовании Комиссии по содействию работам Академии наук СССР». В системе АН СССР утверждено 37 научных и научно-вспомогательных учреждений.

Камакадемия расширяется и готова заменить АН. При ней созданы еще два научных общества — историков-марксистов и статистиков-марксистов, а также собственное издательство. Эти общества ведут активную пропаганду в стране. Марксистско-ленинская фразеология — решающий аргумент в дискуссиях ученых. Научная интеллигенция, оставшаяся в стране в силу ряда обстоятельств, адаптируясь к тоталитарной системе, встала перед выбором — остаться вне профессии и быть независимой или подчиниться власти и получать достойную оплату своего труда. Это был трудный выбор, который облегчался для некоторых ученых тем, что руководители государства требовали в первую очередь идейно-политическую поддержку, а не реальных практических результатов научной деятельности. Новая прослойка советского общества, пришедшая в науку по большевистскому набору в большинстве своем ограничивали себя произнесением лозунгов и осуждением тех, кого они не считали приверженцами коммунистической идеологии [12, 16].

Однако были и отклонения от данной практики. Так, к 10-летию Великого Октября было приурочено создание принципиально нового типа организации — «ВАРНITCO» (Всесоюзная ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству в СССР), при ней выходил академический журнал «Природа». В нем до 30-х гг. «никогда не упоминалось ни о марксизме,

ни об индустриализации, ни о реконструкции сельского хозяйства, ни о пятилетке, ни о кадрах, ни о резолюциях пленума ЦК ВКП(б)», не встречалось и таких слов, как социализм, коммунизм, диктатура пролетариата и т.д.

13 февраля 1928 г. был принят устав, в котором было констатировано, что «ВАРНИТСО, объединяет лиц различных специальностей по идеологическому признаку». Руководителем ленинградского отделения ВАРНИТСО стал Н.И. Вавилов. По мере развертывания работы Ассоциации его отношение к этой организации становилось все более противоречивым.

В советской России усиливается давление на творческую интеллигенцию. Кампания по «додавлению» дореволюционной профессуры идет во всех отраслях науки и практически в большинстве крупнейших вузов страны. На заседании Орг. бюро ЦК ВКП(б) 10 декабря 1928 г. Е. Ярославский обвинил ученого А.Г. Дояренко в религиозности, уличив его в том, что он поет в церкви. «Сообщают такой факт, что в Тимирязевской [сельско]-хозяйственной академии профессор Дояренко поет на клиросе, что целый ряд других профессоров, так или иначе принимает участие в духовной деятельности» [7, 20]. Подобная критика затронула и А.В. Чайнова. Сигналы об антисоветской настроенности профессоров Тимирязевки шли и от некоторых студентов, идейных коммунистов. Они высказывали недовольство их преподавательской деятельностью.

Государственная поддержка науки широко пропагандировалась, поражала и гипнотизировала не только соотечественников, но и большинство ученых стран Запада. «Культурная революция», начавшаяся в СССР в 1929 г., изменила взаимоотношения властей и ученых. До этого времени чиновники не вмешивались в биологические дискуссии, используя конкуренцию ученых для проведения своей политики. Первая большая волна научных дискуссий, окрашенных в политические тона, наблюдалась в 1929-1932 гг. в связи с лозунгом развернутого социалистического наступления на фронте науки, выдвинутом под влиянием решения очередного съезда ВКП(б) «о наступлении социализма по всему фронту» [11, 15, 22].

20 июня 1929 г. СНК СССР принял постановление «Об организации Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина». Н.И. Вавилов стал ее первым президентом. Ленинские планы преобразования российского земледелия на основе марксистского учения разрабатывались еще в 20-е гг. Толчком к созданию особой подотрасли советской сельскохозяйственной науки стало прочтение во время болезни В.И. Лениным книги американского агронома Гарвуда «Обновленная земля» в переводе К.Е. Тимирязева. Как и с кооперативным планом, идею которого Ленин почерпнул из сочинения А.В. Чайнова, вождь заимствовал у Гарвуда утопическую идею преобразования сельского хозяйства в кратчайшие сроки. По мнению исследователя С.Е. Резника, не наивная книжка Гарвуда привела Ленина к мысли об обновлении советской земли, а голод в Поволжье и стремление сохранить свою власть. Сталина к созданию ВАСХНИЛ подтолкнули неудачи коллективизации и последующий за ней голод.

В 1929 г. Н.И. Вавилов, член Коллегии Наркомзема СССР, выступил на XVI партконференции в Москве с речью, освещающей задачи сельского хозяйства в СССР, а чуть позже с докладом о роли кукурузы в поднятии сельского хозяйства на V съезде Советов. Оба выступления ставили проблему обеспечения страны продовольствием. Косвенным путем решения данной проблемы стали его экспедиции в Китай (Синь-цзян), на о. Тайвань, в Японию и Корею, а также опубликование его исследования «Земледельческий Афганистан».

24 апреля 1929 г. постановлением ВЦИК СССР был создан Институт философии Коммунистической академии, с которым объединен Институт научной философии РАНИОНа. 27 мая ЦК ВКП(б) принял постановление «О мероприятиях по укреплению научной работы» по итогам 11-й Всесоюзной конференции марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений, состоявшейся в апреле 1929 г. В стране идет не только изгнание, но и физическое уничтожение инакомыслящих, складывается культ личности Сталина и сопутствующий ему монополизм в науке [7, 22, 24].

Год юбилея Сталина — апофеоз его политической деятельности. Окончательно сложившаяся командно-административная система стремилась использовать науку, во-первых, для построения новых форм общественной жизни; во-вторых, для реорганизации сельского хозяйства с целью предотвращения повторения голода; в-третьих, для идеологического оправдания своей политики; в-четвертых, для повышения международного престижа; и наконец, в-пятых, для сохранения и укрепления власти Сталина. От науки требовали прорыва в сельском хозяйстве, тяжелой промышленности и, самое важное, в оборонной.

При выборах в Академию наук появляется новый критерий: политбюро ЦК ВКП(б) вычленило три категории кандидатов в академики — первая группа — члены ВКП(б), вторая — «кандидаты близкие к нам», третья группа — «кандидаты приемлемые», к которой и был отнесен Вавилов [14, 18].

Через год после выборов был отдан приказ о заведении дела на академика Н.И. Вавилова. В газетах появляются заметки о том, что при общей положительной оценке возглавляемых Вавиловым институтов — в них будет работать комиссия по обследованию положения дел в аспирантуре. Ее задачей было знакомство с молодыми научными кадрами «пролетарского происхождения». Это было нужно для выявления из них тех, на кого можно было бы опереться в дальнейшей работе против старой профессуры. Будущее показало, какую большую роль сыграло использование аспирантов в конце 30-х гг. для дезорганизации работы основного аграрного научного центра — Всесоюзного института растениеводства, и дискредитации его директора, Вавилова, а в последующие годы — для утверждения лысенковщины [7, 19].

Дискредитирующие ученых статьи появлялись (как было уже отработано и показало свою эффективность) в центральных газетах. Ещё раньше, в апреле, в сатирическом журнале «Чудак» (1929. № 14. С. 6-7.) было опубликовано иллюстрированное Кукрыниксми ложное обвинение профессоров Н.К. Кольцова и С.С. Четверикова, а также его аспиранта Н.К. Беляева «в антисоветских высказываниях, в преклонении перед капиталистическими странами, их культурой и традициями.» В июне 1929 г. С.С. Четвериков был арестован и помещен в Бутырскую тюрьму. Затем без предъявления обвинения и без суда его выслали из Москвы в Свердловск (Екатеринбург) на три года. Решение приняла особая тройка, которой для вынесения приговора не требовалось присутствие обвиняемого. После трех лет заключения тройка добавила ещё три года великому ученому, создавшему синтетическую теорию эволюции [7, 11, 17].

Учениками С.С. Четверикова являются многие великие советские ученые — В.Л. Астауров, В.В. Сахаров, Д.Д. Ромашев, Н.В. Тимофеев-Ресовский, П.Ф. Рокицкий, Н.П. Дубинин и др. Будучи выслан в Свердловск, а затем во Владимир, С.С. Четвериков не мог в течение многих лет продолжать свои исследования.

В апреле 1929 г. руководитель Комакадемии М.Н. Покровский заявил о прекращении мирного существования с немарксистами-естественниками и об изжива-

нии «фетишизма перед буржуазными учеными». Вскоре на 2-й Всесоюзной конференции марксистско-ленинских учреждений были осуждены механицисты, доказывавшие, что современное естествознание само по себе диалектично. Официальную поддержку получила идея А.М. Деборина о перестройке естествознания на основе материалистической диалектики. Отныне становилось возможным отвергать любую научную концепцию как несоответствующую марксизму, а противники Деборина, в том числе и биологи, лишились руководящих постов в Комакадемии и подверглись непрерывной критике и проработке. Но поскольку такие процессы всегда «диалектичны», не прошло и двух лет, как сами деборинцы были обвинены в капитуляции перед буржуазной наукой, в отрыве теории от практики, в аполитичности и академизме.

Для идеологического контроля над учеными все планы научных работ и учебные программы отныне должны были представляться в Ассоциацию естествознания Комакадемии. Летом 1929 г. Политбюро принимает постановление об использовании труда заключенных. В стране повсеместно были развернуты кампании за чистоту рядов — от заводов до вузов. В последних она выражалась в проведении перевыборов профессорско-преподавательского состава и изгнании «правой профессуры». Освободившиеся места передавались «строителям социализма». Аналогичные действия происходили в научных организациях и на промышленных предприятиях. Регулярно проводятся и чистки государственного аппарата. В советской науке формируются особый стиль и язык научных публикаций, идеологизированные методы и методология исследований; изменяется соотношение между фундаментальными и прикладными науками; утверждается марксизм-ленинизм-сталинизм в общественных науках. В ходе борьбы с «правым» уклоном было принято решения о высылке из СССР Л. Троцкого, выведен из Политбюро Н.И. Бухарин — лидер «правых». А. Луначарский снят с поста наркома просвещения и отправлен в «почётную» ссылку в Испанию, травле подвергаются Б. Пастернак, А. Платонов, М. Булгаков.

От ВАРНИТСО исходит инициатива противопоставления Академии наук и Комакадемии в пользу последней. Летом 1929 г. ВАРНИТСО возглавила ликвидацию Всесоюзной ассоциации инженеров, созданной на основе Русского технического общества, существовавшего с 1866 г. Весьма стремительно разворачивается компания ВАРНИТСО по осуждению антигосударственной деятельности Академии наук. 17 ноября 1929 г. В.М. Свердлов сообщил на собрании Ленинградского отделения ассоциации о результатах работы комиссии по проверке Академии наук, но выводы комиссии не получили поддержки со стороны членов отделения. Через три дня состоялось общее заседание секций ВАРНИТСО Москвы и Московской области, которое выполнило роль пускового механизма по активизации резких выступлений против Академии наук и особенно ее кадрового состава. В «Резолюции относительно Академии наук», принятой собравшимися 20 ноября 1929 г., утверждалось «полное несоответствие Академии наук в ее настоящем составе с советской современностью» и то, что «ее деятельность направлена во вред осуществляемому в нашей стране социалистическому строительству» [7, 11, 15].

В советской России новые методы «научной» полемики стали распространяться вскоре после революции. Поиграть на научных разногласиях и спорах, придать им «классово-идеологический» характер было много желающих. Журнал ВАРНИТСО прекрасно справлялся с задачей. Помимо информационных сообщений о ходе работы центрального бюро и различных отделений Ассоциации, журнал опре-

делял основные направления, по которым должно было идти наступление на инакомыслие. Называются лица и организации, которых следовало «брать под прицел в первую очередь». В анонимной статье «Борьба в Тимирязевской Академии» [11], опубликованной в Тимирязевской сельскохозяйственной академии, А.Г. Дояренко обвинялся в том, что он «не так желает идти в ногу с социалистическим развитием страны. Отрицательно относится к реконструкции сельского хозяйства на базе общественного сектора» и является антисоветски настроенным человеком и активным противником существующей государственной системы. «Отношение к пролетарскому студенчеству враждебно. Антисоветски настроенный человек и активный противник существующей государственной системы». В этом же духе освещалась деятельность и других ученых, подвергшихся обструкции при перевыборах в ТСХА. Через год появилось сообщение Б. Шнеерсона о неизбрании и увольнении из академии А.Г. Дояренко и других его коллег, а увольнение с работы автоматически вело к аресту: Дояренко был приговорен к 5-летнему заключению. Заведывание кафедрой и опытным полем 30 марта 1930 г. было передано Н.С. Соколову. Кафедру с одновременным чтением курса методики опытного дела в Агропедагогическом институте принял В.Р. Вильямс.

На XVI съезде ВКП(б) были приняты директивы о наступлении на капиталистические элементы города и деревни, лозунг о сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса. «Злостное вредительство верхушки буржуазной интеллигенции во всех отраслях нашей промышленности, — заявил Сталин, — зверская борьба кулачества против коллективных форм хозяйства в деревне, саботаж мероприятий Советской власти со стороны бюрократических элементов аппарата, являющихся агентурой классового врага, — таковы пока что главные формы сопротивления отживающих классов». Таким образом, в начале 1930-х гг. в стране усиливается личная власть Сталина.

Академия наук из последних сил пытается оказать сопротивление этому процессу. При выборах в АН большинство академиков проголосовало против членов ВКП(б), на что им было указано в Кремле: или нужные результаты выборов, «или Академии не будет». Несомненно, что Комакадемии, Соцакадемии и ВАСХНИЛ были созданы как прямая оппозиция Академии наук.

В свете директив XVI съезда ВКП(б) журнал ВАРНИТСО призвал усилить работу по дифференциации советской интеллигенции, по борьбе с правыми реакционными интеллигентскими слоями и напомнил еще раз, что «борьба с вредительством должна вестись со всей активностью, всеми органами и членами ВАРНИТСО» [14].

Активисты ВАРНИТСО из ячейки Тимирязевской сельскохозяйственной академии провели 28 марта 1930 г. Общее собрание научных работников, на котором было заслушано три доклада под общим названием «О фактах вредительства в сельском хозяйстве» [14]. «Необходимо дать резкий отпор вредителям, — сказал первый докладчик проф. В.П. Бушинский: — Вся масса честных преданных социалистическому строительству специалистов должна пойти на решительную борьбу с вредительством, на борьбу за социалистическую реконструкцию сельского хозяйства... Специалист не должен замыкаться в свою техническую работу. Аполитичность есть первый шаг вредительства. Неосознание этого способствует вредительским действиям. Надо повышать свое политическое воспитание. Мы, как работники в области сельского хозяйства должны принять на себя все тяготы, связанные с социалистической реконструкцией сельского хозяйства». Два других докладчика, С.А. Зернов и В.В. Подарев, выступили в том же духе.

От членов ВАРНИТСО, состоящих в ячейке Академии, которые не могли быть на собрании, затребовали «письменные мнения». В частности, от профессора А.В. Чайнова, находившегося на посевной компании в совхозе «Гигант», накануне отъезда было взято письмо, в котором он также осуждал вредительство и просил присоединить его голос «к протесту против этого чудовищного преступления», так как «акты сознательного вредительства являются ударом ножа в спину самоотверженным строителям нового земледелия» [14].

Состояние кадров старейшего сельскохозяйственного вуза страны было в центре внимания и всей московской организации ВАРНИТСО. Знакома широкую общественность с некоторыми сторонами ее деятельности перед первой областной Московской конференцией ВАРНИТСО, состоявшейся 25 апреля 1930 г., Б. Шнеерсон, в частности, сообщил, что «по настоянию коллектива ТСХА, после длительного боя и двукратного обсуждения, был удален из ТСХА профессор Дояренко, со стороны которого наблюдалось систематическое игнорирование советских настроенных аспирантов» [11, 14].

А.Г. Дояренко с 20-х гг. (из-за дочери) был «на крючке» и стал первым из ТСХА, кого арестовало ОГПУ. Аресту предшествовал ряд драматических событий. Как вспоминала его дочь, «при аресте была перерыта вся квартира и было забрано множество разнообразных материалов». В тюрьме Дояренко была написана опера «Горе от ума», был создан цикл украинских песен на стихи И. Франко, которые он перевел их на русский язык. Интересно, что, находясь в заключении, Дояренко пишет многие свои песни на стихи поэтов-эмигрантов И.А. Бунина и К. Бальмонта. Дояренко, по-видимому, как и многие люди, оказавшиеся в подобном положении, стремился забыть в научной и творческой деятельности и сохранить себя как личность.

Обвинения А.Г. Дояренко в том, что он принадлежал к руководству мифической Трудовой Крестьянской партии (ТКП), основывались на его собственных показаниях, данных в ходе допроса 31 июля 1930 г., несомненно, что это был самоговор сломленного человека. Он заявил: «... В ЦК я вел работу по подготовке кадров для осуществления конечных задач Крестьянской партии. Основными руслами, направлениями этой моей работы были: 1. Московское общество сельского хозяйства, через редактируемый мною «Вестник сельского хозяйства», в котором я проводил идеи приближения агрономического персонала к деревне, — для охвата ее концепциями Крестьянской партии. 2. Обработка в духе Крестьянской партии агрономов, которые посещали меня в большом количестве в Тимирязевской с/х. академии. Эту работу я проводил в индивидуальном порядке, а в групповом — через собеседования в лабораториях, на опытном поле, на курсах переподготовки и на других агрономических курсах. В таком порядке я обрабатывал агрономов приблизительно в несколько сот человек в год. 3. Организация прикладной работы в Опытном отделе Наркомзема в масштабе РСФСР. Этим путем создавалась тесная связь Крестьянской партии с деревней. 4. Использование лекций и бесед со студентами Тимирязевской с/х. академии для пропагандирования идей приближения агронома к деревне и установления тесной связи агронома с населением в целях осуществления задач крестьянской партии...». Также А.Г. Дояренко показал, что у него «действительно был разговор с Н.Д. Кондратьевым о том, как следует вести работу ТКП на местах. Я доказывал Кондратьеву, что эту работу надо вести осторожно, так как неуравновешенная молодежь, втягиваемая в ТКП, может встать на путь открытой борьбы с Советской властью, что противоречило бы тактике партии». В свою очередь, арестованный Н.Д. Кондратьев во время допроса, состоявшегося 30 июня 1930 г., сообщил следующую информацию: «... Сведения о крестьянско-кулацких волнениях

в период с января месяца по апрель месяц с. г. к нам поступали с мест и обычно концентрировались в МОСХ, который являлся центральным пунктом информации и связи с местами. Так как за указанный период произошел арест наиболее активных членов организации Московского общества сельского хозяйства (Дояренко, Шорыгин, Корсаков и др.) и, так как был арестован, в частности Дояренко, входивший в ЦК партии и руководивший организацией в МОСХ, то в силу этих обстоятельств, указанные сведения о волнениях были у нас чрезвычайно неполны и отрывочны...».

Вскоре последовал арест А.В. Чаянова, который подтвердил показания Дояренко. На допросе, состоявшемся 21 августа 1930 г., который проводил Я.С. Агранов, Чаянов заявил: «Из работ вне института мне известна, главным образом, работа А.Г. Дояренко в ТСХА на опытном поле, которая сводилась, с одной стороны, к концентрации в качестве практикантов большого количества агрономической молодежи (А.А. Эмме и др.) и подготовка их к будущей работе в опытном деле и затем к знаменитым воскресным беседам на опытном поле с крестьянами, которые стекались на эти беседы с разных уездов Московской губернии и связывали ячейку опытного поля с крестьянскими массами губернии личными связями».

Параллельно арестам продолжались гонения на Академию наук, о чем свидетельствует следующая резолюция: «...общее собрание Ленинградского отделения ВАРНИТСО выражает свой решительный протест и резкое возмущение по поводу фактов, вскрытых правительственной комиссией тов. Фигатнера в деятельности ответственных руководителей Академии наук». В решении собрание настаивало «на скорейшей и коренной реорганизации всей структуры Академии в направлении организационной увязки всех ее управляющих органов и научно-исследовательских работ с планированием и строительством социалистического хозяйства...» [7, 11, 14, 17].

Реорганизация началась довольно скоро. Одним из первых крупных объектов стал Институт экспериментальной биологии, которым руководил проф. Н.К. Кольцовым. Комиссия Наркомздрава, а затем и комиссия РКИ очень пристрастно проверяли состав научных работников и тематику их исследований. Комиссия вынуждена была констатировать наличие в институте крупнейших специалистов и значительную ценность их трудов, известных и высоко оцениваемых за рубежом. Было отмечено также, что «Институту экспериментальной биологии и руководителю его принадлежит заслуга применения впервые в СССР физикохимии, генетики, цитологии, культуры тканей и популяризации этих методов». При этом отмечалось, что Институт «до последнего времени был совершенно оторван от советской действительности, как по направлению научно-исследовательской работы, так и по отношению к социалистическому строительству и к советской общественности... Институт экспериментальной биологии является чисто теоретическим институтом, и поэтому особенное значение имеет идеологическое направление Института, вместе с тем методологическое направление работой носит чисто механический характер, а в ряде научных работ Института, например, по евгенике проводится неприемлемая для нас идеологическая установка» [7, 11].

Впервые в АН была образована фракция академиков-коммунистов, которой первоначально руководил академик М.Н. Покровский, а затем академик Г.М. Кржижановский. В сентябре 1929 г. стало функционировать временное Локальное бюро Секции научных работников при Академии наук. Позднее возникли комсомольская организация АН СССР, Консультационное бюро Института красной профессуры (ИКП), обеспечивавшее подготовку к вступительным экзаменам как на подготовительные, так и на основные отделения института.

Интересна закономерность «самоотражения» образа «пролетарской науки» как идеологизированной системы, ориентированной на соответствие положениям и постулатам «диалектического и исторического материализма». Так, ботаник Б. Келлер, избранный в 1931 г. действительным членом АН СССР, спустя год, в одной из своих статей перечислил важнейшие признаки, характеризующие социалистическую биологию. Её исходным принципом было, по его мнению, «рассмотрение любой научной проблемы с точки зрения возможности использования полученных результатов в целях переделки окружающего мира. Ботаника при социализме это уже не наука о растениях, а наука о том, как растения, весь растительный мир переделывать и перестраивать в интересах социализма для создания уже близкого бесклассового общества. Любая научная теория должна оцениваться, прежде всего, как возможный путь революционирования растений и животных для нашего сельского хозяйства» [12, 16].

В марте в Москве состоялось сразу несколько заседаний Общества биологов-марксистов. Собраниям предшествовало появление в газете «Правда» резолюции общего собрания партячейки ИКП философии и естествознания, озаглавленной «Об итогах дискуссии и очередных задачах марксистско-ленинской философии». Кроме того, в центральном партийном журнале «Большевик» была напечатана статья Э. Кольмана, в которой он утверждал, что в СССР в биологии орудуют вредители, срывающие дело строительства социализма. Автор клеймил в первую очередь генетиков за евгенические «ошибки», затем зоологов и ботаников за противоборство созданию совхозов-гигантов, а также ихтиологов за принижение производительной способности прудов и рек и т.д. (после эмиграции Кольман признает, что ошибался, но репрессированных ученых — не вернешь).

Были уничтожены оппоненты В.Р. Вильямса. Противники классической генетики сосредоточили внимание на Н.И. Вавилове и его работах. К этому времени относится первый донос на Н.И. Вавилова в ОГПУ.

Вопрос об аресте Н.И. Вавилова поднимался уже в начале 30-х гг. [22]. Сотрудники ОГПУ по государственному заказу фабрикуют первые показания против него ряда репрессированных биологов. Вавилова обвиняли во вредительской и контрреволюционной деятельности. Инициатива по сбору компромата могла исходить от Сталина, который, вероятно, не отказался от мысли провести показательный процесс над представителями биологических наук, обвинить их во всех бедах сельского хозяйства. Вавилов хорошо подходил для роли главы заговора контрреволюционеров и вредителей благодаря социальному происхождению (сын купца), частым зарубежным поездкам (шпион), активным выступлениям в защиту репрессированных коллег (явный враг) и благодаря целому ряду других причин. Но репрессии 30-х гг. Вавилова не затронули, так как авторитет ученого, как признанного лидера сельскохозяйственной науки в стране и мире, был пока очень высок.

«Великий перелом» в науке слагался из множества планируемых маленьких отдельных разгромно-перестроечных кампаний, территориальных, ведомственных, дисциплинарно-тематических. Закрывались еще сохранившиеся ученые общества, издательства, журналы, на их руинах закладывались принципиально другие — марксистского направления. Произошла грандиозная перестройка системы высшего образования и науки.

Трансформация образования и создание пролетарской науки шло по-ленински и по-сталински просто: в студенты принимали по классовому признаку только рабочих и крестьян. Связано это было с тем, что большинство научных работников при-

надлежало к дореволюционной интеллигенции. А это, по мнению вождя, надо было менять.

Выходцем из рабоче-крестьянской среды был А.С. Бондаренко, который в 1930 г. заканчивает ИКП. Он, будучи вице президентом ВАСХНИЛ, пишет на Н.И. Вавилова очередной донос. Одновременно в газете «Правда» от 21 февраля 1930 г. была опубликована заказная статья В. Балашова «Институт благородных ботаников». В этой статье к Всесоюзному институту прикладной ботаники и к Государственному институту опытной агрономии, а равно, и к их руководителю, предъявлялись те же претензии, что и к Академии наук — игнорирование задач социалистического строительства, отсутствие подготовки пролетарской научной смены. Приводятся данные по институту Вавилова— «засоренность научных сотрудников: работают 59 дворян, бывших крупных землевладельцев, 25 потомственных почетных граждан, 5 сыновей купцов и фабрикантов и 12 детей попов... Директор института академик Вавилов, занятый рядом других работ, большую часть времени проводит вне института и организационно институтом почти не руководит». Последнее не соответствовало действительности, но задача, поставленная перед автором, была выполнена: научная и организаторская деятельность ученого была очернена [22].

В это время началась крупномасштабная «чистка» студентов «непролетарского» происхождения, «неспособных стать действительными красными специалистами нового реконструированного государства». Тем самым были заложены основы последующего перерождения «буржуазной» науки в «пролетарскую» и последовавшего затем глобального отставания. Это произошло в последующее десятилетие, примером чего могут служить биологические науки и возвышение таких ученых, как Т.Д. Лысенко и ИИ Презент.

Имя Т.Д. Лысенко впервые становится известным благодаря очерку В. Федоровича. В августе 1927 г. в газете «Правда» был напечатан первый материал о Т.Д. Лысенко под названием «Поля зимой». Очерк давал наглядный портрет молодого Лысенко: «Моя встреча с Лысенко, — писал Федорович, — случилась в Закавказье на великолепных полях Ганджинской селекционной станции. Лысенко решает и решил задачу удобрения земли без удобрений и минеральных туков, озеленения пустующих полей Закавказья зимой, чтобы не погибал скот от скудной пищи, а крестьянин-тюрк жил зиму без дрожи за завтрашний день... Если судить о человеке по первому впечатлению, то от этого Лысенко остается ощущение зубной боли, — дай бог ему здоровья, унылого он вида человек. И на слово скупой и лицом незначительный, — только и помнится угрюмый взгляд его, ползающий по земле с таким видом, будто, по крайней мере, собирался он кого-нибудь укокать. Один раз всего и улыбнулся этот босоногий ученый: это было при упоминании о полтавских вишневых варениках с сахаром и сметаной... У босоногого профессора Лысенко теперь есть последователи, есть ученики, опытное поле. Приезжают светила агрономии зимой, стоят перед зелеными полями станции, признательно жмут ему руки...». Благодаря своему отцу Лысенко в 1929 г. становится в центре агрономической сенсации — яровизации озимых. Его отец, высеяв весной пролежавшие под снегом семена озимой пшеницы «Украинка», получил высокий урожай — 24 центнера с гектара. Узнав о колошении озимых, Лысенко организовал шумную кампанию. Наркомат земледелия создал специальную комиссию для изучения и оценки урожая. К Т.Д. Лысенко стали организовывать экскурсии [7, 11].

В 30-е гг. Лысенко не участвовал в дискуссиях, посвященных проблемам генетики, а И.И. Презент активно поддерживал те генетические концепции, против кото-

рых он столь энергично выступит впоследствии. На Всесоюзном съезде биологов им был сделан доклад о гармонии между марксизмом и морганизмом [7].

Отношение к генетике коренным образом изменилось в 30-е гг., она стала объектом критических нападок. Как только стих политический шум, связанный с проверкой и реорганизацией «Кольцовского» Института, прогремело новое дело. 29 января 1931 г. в центральной газете «Экономическая жизнь» появилась большая статья руководителя отдела интродукции ВИРа. А.К. Коля «Прикладная ботаника или Ленинское обновление земли?», в которой был подзаголовок «Лицом к нуждам социалистического строительства».

Статья начиналась следующим заявлением: «Революционное задание В.И. Ленина обновить совземлю новыми растениями оказалось сейчас подмененным реакционными работами по прикладной ботанике над центрами происхождений растений. Под прикрытием имени Ленина окрепло и завоевывает гегемонию в нашей с.-х. науке учреждение, насквозь реакционное, не только не имеющее никакого отношения к мыслям и намерениям Ленина, но им классово чуждое и враждебное. Речь идет об Институте растениеводства с.-х. академии им. Ленина». Коля пытался доказать полную «никчемность» некоторых принципов собирательской деятельности Н.И. Вавилова по составлению коллекции семян различных агрокультур. При этом автор не утруждал себя необходимостью доказательств выдвигаемых им обвинений. Материалы этой статьи можно увидеть в деле Вавилова [22].

Лишь через полтора месяца 13 марта 1931 г. та же газета «Экономическая жизнь» поместила ответную статью Н.И. Вавилова. При этом редакция снабдила статью неодобрительным примечанием, в котором ясно просматривался намек на то, что «чистая» наука, которой якобы служит Вавилов, является прикрытием вредительства. Пытаясь ответить на выдвигаемые обвинения, Вавилов указывал на многие сорта растений (картофеля, ржи и пшеницы), открытые сотрудниками института во всем мире и способные со временем внести вклад в развитие советской экономики.

9 июля 1935 г. Комиссариат по сельскому хозяйству принимает решение об издании нового журнала, призванного популяризировать работы Лысенко и его одесской лаборатории, занимавшейся проблемами яровизации. Журнал получил название «Бюллетень яровизации», именно он будет определять направление исследований в биологии в последующие 35 лет. В 1935 г. после небольшого перерыва он был возрожден под названием «Яровизация», а в 1946 г. получил новое название «Агробиология» (Журнал «Агробиология» перестал существовать в 1966 г.).

Через несколько месяцев печать преподнесла Н.И. Вавилову новый «сюрприз»: в 8-м номере журнала «Вестник знания» за 1931 г. появилась статья «Наши изыскания в Новом Свете» за его подписью, в написании которой он не принимал участия. Какой-то журналист сделал компиляцию по нескольким работам Н.И. Вавилова и, не показав ему составленного текста, опубликовал с грубыми ошибками. Н.И. Вавилову пришлось выступать в вечернем выпуске «Красной газеты» от 18 июня 1931 г., с разъяснением о непричастности к этой публикации.

1931 год для Вавилова был насыщен не только негативными событиями. В этом году Н.И. Вавилов посетил ботанико-агрономические научно-исследовательские учреждения Дании и Швеции, был избран президентом Всесоюзного географического общества СССР, которым оставался до 1940 г. Он организовал экспедиции на Кавказ и в Закавказье, участвовал в работе II Международного конгресса по истории науки и техники в Лондоне, где выступил с докладом «Проблема происхождения мирового земледелия в свете современных исследований».

Однако Н.И. Вавилов продолжает находиться под наблюдением — еще за 8 лет до ареста один из сотрудников ВИРа дал показания, что Николай Иванович просил за плату через его мать, живущую в Польше, переслать за границу 7 писем. В деле Вавилова много доносов от информаторов, тесно контактировавших и работавших вместе с ним, в которых сообщалось, что Вавилов передавал иностранным ученым секретные сведения. Например, такую роль исполнял растениевод И.В. Якушкин (сотрудник Тимирязевки), который после своего освобождения стал агентом ОГПУ, а затем НКВД, сделал научную карьеру, доносил на Вавилова и выполнял другие задания этих ведомств. Также сотрудники НКВД С.Н. Шунденко, Г.Н. Шлык, Ф.Ф. Сидоров, поставлявшие компромат на Вавилова и сделавшие немало для фабрикации его дела [22].

Работать ученому становилось все труднее. Вернувшись из экспедиции в Мексику и Центральную Америку, Вавилов увидел, что в институте идут постоянные споры. Мало того, «критики» уже начали «действовать». Терпимый к инакомыслию, директор в апреле 1931 г. вынужден был отправить письма Наркому земледелия СССР Я.А. Яковлеву и в Президиум ВАСХНИЛ о ненормальной обстановке как в самом ВИРе, так и пристрастном отношении к нему: «В последние месяцы в жизни Всесоюзного института растениеводства происходят события, которые заставляют меня поставить вопрос о дальнейшем моем пребывании на посту руководителя этим большим учреждением... в последнее время благодаря легкомыслию ряда партийных товарищей, мало подготовленных и в тоже время зараженных запалом критики и реформаторства, поставлено под угрозу нормальное проведение всей основной работы института... Вся работа института и его руководящего персонала ныне идет в совершенно аномальных условиях. Ко всему этому прибавляются трудности работы большого учреждения, так как в нынешнем году половина здания за недостатком дров не отапливается и мы имели несколько месяцев температуру 2° в значительной части рабочей площади... оплата труда у нас ниже, а требования к работнику выше, чем в специальных институтах, состоящих на бюджете трестов. Огромность задач Института растениеводства, охватывающего все культуры — от зерновых до лекарственных, дубильных и каучуконосов, работающего всеми методами, информирующего Наркомат и страну по всему разделу растениеводства, необычайна, и мы имели в ряде лет крупных работников, но фактически возможности для развития серьезной исследовательской работы мы не имеем... То предложение, которое вносят некоторые учёные товарищи о том, чтобы работу по привлечению сортового материала и по его первичной обработке передать в отраслевые институты — есть сплошная нелепость. Ибо серьезную ботанико-агрономическую обработку может произвести только такое центральное учреждение, как Институт растениеводства, который может пользоваться помощью Ботанического сада и имеет соответствующий подготовленный ботанический персонал. Всё дело мобилизации растительных ресурсов потому и удалось поставить на надлежащую высоту, что Институт растениеводства организовал совершенно новый подход» [2, 4].

В этом году Вавилов стал предметом критики и со стороны государственных чиновников. 3 августа было опубликовано в «Правде» правительственное Постановление по вопросам селекции, ставившее перед ВАСХНИЛ и ВИРОм совершенно нереальные задачи. Помимо того, что оно требовало сокращения сроков выведения районированных сортов зерновых с 10-12 лет до 4 (за счет использования теплиц), оно выдвигало задачу за 3-4 года обновить на всей территории страны сортовой состав и добиться сразу всех необходимых качеств почти у всех культур. В частности, нужно было достигнуть высокой урожайности пшеницы, однотипности и стекловидно-

сти зерна, неполегаемости, неосыпаемости, холодостойкости, засухоустойчивости, устойчивости к вредителям и болезням, а также хороших хлебопекарных качеств. Постановление не только не отвечало уровню развития сельского хозяйства, но и противоречило реальным возможностям ВИРа и ВАСХНИЛ. Оно послужило впоследствии основой для критики ВИРа и его руководителя, как не справившихся с перечисленными задачами. Что же касается выдвинутой ими 3-4-летней программы, то она не была выполнена и через 70 лет. Вавилов относился к столь сжатым срокам обновления сортового фонда страны весьма скептически, Лысенко же немедленно опубликовал торжественное обещание вывести новый сорт с заранее запланированными свойствами за два с половиной года. И потом дал телеграмму правительству о том, что такой сорт выведен. Это было полной профанацией, и об это понимали многие ученые, но они, как правило, были буржуазного происхождения. Власть же поддерживала рабоче-крестьянских выдвиженцев.

Единственным ученым, выступившим в 1929-1931 гг. с критикой работ Лысенко, был зав. лабораторией физиологии растений Института прикладной ботаники Н.А. Максимов (впоследствии он был репрессирован), который отчетливо видел недостатки и ошибки в методике его исследований.

Трофим Лысенко ориентировался на установки генсека, поэтому был замечен и пригрет в Наркомате земледелия Украины, а затем — СССР, его опыт широко освещался в центральной прессе. За этим последовало участие в работе упомянутого I съезда по генетике, селекции, семеноводству и племенному животноводству в Ленинграде в январе 1929 г., выступление на заседании президиума ВАСХНИЛ в 1931 г., которая выделила из своего бюджета 30 тыс. руб. на его эксперименты [7].

На 30-е гг. приходится расцвет творчества Н.И. Вавилова. Вышли работы: «Культура пшеницы в Абиссинии», «Роль Центральной Азии в происхождении культурных растений», «Дикие родичи плодовых деревьев азиатской части СССР и Кавказа и проблема происхождения плодовых деревьев», «Мексика и Центральная Америка как основной центр происхождения культурных растений Нового Света», «Линнеевский вид как система». После того, как Н.И. Вавилов был избран президентом Всесоюзного географического общества СССР, деятельность этого общества на протяжении десяти лет, с 1931 по 1940 г., заметно активизировалась. При нем был создан географический лекторий, собиравший огромную аудиторию. После возвращения из какой-нибудь далекой экспедиции Н.И. Вавилов непременно выступал с докладами на публичных заседаниях общества, например, о путешествии в Афганистан, в Синьцзян и Японию, а 2 октября 1931 г., о путешествии в США, Мексику, Гватемалу и Гондурас. Эти доклады пользовались огромным успехом [19].

В 1932 г. Н.И. Вавилов был избран вице-президентом VI Международного генетического конгресса в Итаке (США), на котором выступил с докладом «Генетика на службе социалистического земледелия». В эти же годы состоялись его последние экспедиции на Кубу, Юкатан, о. Тринидад, в Перу, Боливию, Чили, Бразилию, Аргентину, Уругвай и Пуэрто-Рико.

Летом 1932 г. во время поездки И.И. Презента с группой аспирантов и сотрудников к Лысенко, началась ликвидация организаций и журналов, созданных для внедрения марксизма в биологию. К моменту возвращения Презента от Лысенко 11 июля 1932 г. было принято решение о ликвидации Института естествознания. Перестали выходить журналы «За марксистско-ленинское естествознание» и «Проблемы марксизма». Для решения судьбы журнала «Проблемы марксизма» оказалось достаточно одной фразы Сталина: «Здесь нет ни проблем, ни марксизма». Ликвидированы были ОВМД и ВАРНИТСО, так и не реализовавшие всех замыслов идеологов «куль-

турной революции». В последующие годы были репрессированы все основные диалектизаторы естествознания в Ленинграде, исключая Презента (И.А. Вайсберг, Н.А. Гредескул, А.А. Лейферт, Н.Н. Никитин, П.С. Серебровский, Г.С. Тьянский, Я.М. Урановский, Е.А. Энгель, Р.Э. Яксон и др.). Места выбывших занимали выдвинутые «культурной революции», которая, в конечном счёте, ускорила кадровое обновление ученых-биологов [11, 22].

И.И. Презент выдавал себя за специалиста в области методики преподавания естествознания, в т.ч. дарвинизма. В Ленинграде он «прославился» склонностью к политической демагогии и тем, что возглавил клеветническую кампанию против Б.Е. Райкова² и его учеников. Ему принадлежит печальное авторство термина «райковщина». Неудивительно, что И.И. Презент и Л.Д. Лысенко нашли друг друга.

П.П. Презент «по-большевистски бьет классового врага на естественнонаучном фронте». Опубликована его книга «Классовая борьба на естественнонаучном фронте». Л.Д. Лысенко вместе со своими подражателями пытается создавать различные варианты «идеологически корректной науки», например, «пролетарской», «диалектической», «мичуринской» биологии; «агробиологии»; «советского творческого дарвинизма»; «учения о живом веществе» и т.д. [11].

Тем не менее, Н.И. Вавилов рекомендовал избрать Лысенко академиком украинской Академии наук. В том же году он включил его в состав советской делегации на VI Международный генетический конгресс. По его предложению, «агроном Лысенко» был награжден денежными премиями, в т.ч. и престижной Ленинской. Насколько искренним было продвижение Лысенко Вавиловым, трудно судить.

По мнению Резника, «не Вавилов наделил могуществом Лысенко... Трагедия Вавилова состояла в том, что он старался оставаться свободным исследователем в тоталитарной стране, был искателем истины в стане обскурантов, человеком морали среди негодяев» [17]. Однако Вавилов не мог не учитывать мнения партийного руководства. Он был вынужден взаимодействовать с властью имущими. Ж. Медведев писал, что «Н.И. Вавилов не был, как известно, рядовым борцом научного фронта. Он был командующим большой армии учёных, в его руках была громада науки, судьба советской селекции. В этих условиях Вавилов не мог идти на неоправданный риск. В его положении нужна была тактика, нужна была стратегия, нужна была дипломатия в условиях высочайшей поддержки, получаемой его научными противниками, в условиях той травли, которая была начата и постоянно велась против Вавилова рядом журналов и газет» [11].

Возвышение Лысенко продолжалось. В газете «Известия» о нем было написано: «Тов. Яковлев подчеркнул, что совершенно особо должен быть поставлен вопрос о работах тов. Лысенко. Сам тов. Лысенко еще недостаточно отдаёт себе отчёт о значении своей работы, а её значение огромно... Наша задача — ... уже весной 1933 года применить метод тов. Лысенко в массовом масштабе, в масштабе, по меньшей мере, сотен тысяч гектаров. Только в этом случае дело будет поставлено действительно по-научному, действительно по-революционному» [20].

Популярность Лысенко, поддерживаемого партией и правительством, растёт как снежный ком. С рядом положений, высказываемых им, Н.И. Вавилов прилюдно не соглашался. Он скептически относился к вегетативной гибридизации. Во многих случаях считал методику этих опытов недостаточно точной, но химические изменения, возникающие в этих опытах, его интересовали. Он не любил выражения «вегетативные гибриды» и говорил: «Это всё-таки что-то совсем другое, чем половые

---

² В 1936 г. проф. Б.Е. Райков был реабилитирован и освобожден

гибриды, но работать с ними нужно и интересно. Только больше надо заботиться о точности методики и не делать скоропостижных выводов, а в этом как раз и грешны большинство исследователей, поэтому-то и результаты очень часто весьма противоречивы, что недопустимо в науке. Если выводы сделаны правильно, то каждый при повторении опыта должен получить тот же результат, а пока этого не видно, и пока я подвергаю сомнению выводы большинства работающих по этому вопросу». Лысенко и его сторонники не соглашались с Вавиловым. Агроном декларативно заявлял: «Я и мои единомышленники стоим за эволюционное учение Дарвина, за дарвинизм во всех разделах агробиологической науки. Отсюда мы в корне не согласны с взглядами школы академика Н.И. Вавилова и взглядами многих генетиков на эволюцию, на создание новых форм растений» [17].

Не поддается точному подсчету тот колоссальный материальный ущерб, который советской экономике нанесла лысенковщина. Его можно сопоставить с вредом, нанесенным поголовной коллективизацией, фактически разрушившей российское сельское хозяйство. Но и лепта, внесенная Лысенко в развал села, огромна. Десятилетиями он давал псевдонаучные рекомендации, обещания скорого и решительного поворота к невиданным урожаям, надоям и привесам.

В таких условиях Н.И. Вавилов не мог себе позволить резкой критики Лысенко. В официальных выступлениях Н.И. Вавилов говорил о том, что хотелось слышать властям и что давало возможность ему творить. В любой системе взглядов, в т.ч. и в марксизме, существуют рациональные элементы. Он сосредотачивал свое внимание именно на них, в частности, на идее изменения мира, интенсификации сельского хозяйства, на заботе государства о развитии науки. Вавилов осознавал, что вся его деятельность с середины 20-х гг. тесно связана с «системой сельскохозяйственной науки в СССР». Возможно, что в случае его недипломатичного поведения и открытости в выражении взглядов, далеких от официальных, научная карьера окончилась бы значительно раньше с большим ущербом для коллег, работавших под его началом.

Свое скептическое отношение к коммунистическим идеям Вавилов не скрывал. Ведь он до конца дней оставался беспартийным. Возможно, что это его и спасало некоторое время. Ему неоднократно предлагали вступить в партию, а после 1932 г. дали понять, что без этого его выезд за границу не состоится. Тем не менее, он отказался от вступления в ВКП(б). В дальнейшем это позволило ему сохранить определенную независимость, в т.ч. и от партийных организаций, возглавляемых им учреждений, и от скорой расправы в случае ареста, так как с членами своей партии сотрудники НКВД вообще не церемонились.

В директивном письме ОПТУ от 14 марта 1932 г. Вавилов назван главой контрреволюционной группировки и идеологом аграрной контрреволюции. Это после военного подавления более 400 крестьянских восстаний и принятия курса на коллективизацию [22].

1933 г. стал переломным и в судьбе ВИРа. В его стенах происходит «чистка». Арестованы по обвинению в принадлежности к вымышленной ТКП многие ведущие специалисты института: профессора Писарев, Таланов, Кулешов, Максимов и др. Арестовывают сотрудников Николая Ивановича. Исчезает энергетическое поле его единомышленников, которое всегда было вокруг ученого. Наверное, не только вокруг него...

Вавилову удастся через год отстоять и вернуть некоторых арестованных в институт. М.Г. Попов, который находился в заключении сравнительно недолго, рассказывал, что его заставляли подписывать разные небылицы, но он отказался. «Я думаю, — сказал он, — что карают только тех, кто действительно виноват, или

тех, кто подписывает что попало, когда страшат» [11]. Эти слова некоторое время успокаивали вировцев. Из заключения возвратился крупнейший цитолог Г.А. Левитский, но большинство были высланы: Максимов — в Саратов, ботаник Попов — в Алма-Ату, Авдулов — в Саратов (где был расстрелян), Писарев — в Иркутск (позже перебрался в Немчиновку под Москвой, стал Героем социалистического труда и академиком ВАСХНИЛ). Кулешова сослали в Сибирь, К.М. Чинго-Чингас оказался на Нарымской опытной станции и т.д. Но всё же, высланные могли работать по специальности, а некоторые даже сделали потом успешную карьеру. Все они обвинялись в связях с несуществовавшей «Трудовой крестьянской партией», т.е. в «чаяновщине-кондратьевщине».

13 января 1934 г. СНК СССР принял постановления «О подготовке научных и научно-педагогических работников» и «Об ученых степенях и званиях», в которых определялся порядок работы аспирантуры, устанавливались ученые степени и звания. В 1934 г. Вавилову присуждена ВАК степень доктора биологических и сельскохозяйственных наук по совокупности опубликованных работ. Он участвовал в работе I Всесоюзной конференции по витаминам (Ленинград), в праздновании 60-летнего юбилея творческой деятельности И.В. Мичурина. Проводил регулярные ботанико-географические исследования различных районов Кавказа. Несмотря на эти положительные тенденции, давление на генетику нарастало. Представитель сторонников Т.Д. Лысенко, Б.П. Токин, указывал: «Нужна решительная борьба, разоблачение реакционных «теорий» отдельных научных работников, пытавшихся ограничить возможность вмешательства экспериментатора, исследователя в ход развития животных и растений, обосновывающих созерцательное, пассивное, любительское отношение к живой природе» [12]. В обязанности «марксистам-ленинцам» вменялось решать проблемы превращения озимых сортов культурных растений в яровые, хлопковой и каучуковой независимости, борьбы с засухой и так далее. «Массы» биологов должны были вернуться к задачам социалистического строительства. В соответствии с устанавливавшимся ритуалом дискуссий, Токин свою деятельность начал с критики одного из своих предшественников на посту директора Биологического института им. К.А. Тимирязева. Он обвинял И.И. Агола в «аполитичности» проводимых исследований, в отрыве их от задач социалистического строительства, в протаскивании реакционных идей, прикрываемых марксистской и диалектической фразеологией [16]. Все надежды на реализацию планов диалектизации биологии Токин связывал с «пролетарской и коммунистической молодежью», с «большевиком-биологом», имевшим опыт гражданской войны, борьбы с троцкизмом и правым уклоном. Характерно, что эти высказывания не вызывали возражений. Все знали, что он излагает согласованную в «верхах» установку, и прения носили характер хорошо отрепетированного спектакля.

Критикуемые (М.Л. Левин, Б.М. Завадовский, А.С. Серебровский и др.) лишь калялись в инкриминируемых им ошибках и преступлениях. В письме в редакцию газеты «Правда» И.И. Агол «признавался» в игнорировании основных вопросов социалистического строительства, в подмене марксистской методологии естественно-научными теориями, в либеральном отношении к буржуазной науке, контрабандном протаскивании «писаний и идей», выдаваемых за марксизм, в биологизации социологии и т.п. Он обещал все силы приложить для борьбы с собственными теоретическими воззрениями. В те годы благодаря публичному раскаянию еще можно было стать главным редактором нового журнала «Успехи современной биологии», а через год вице-президентом Всеукраинской ассоциации марксистских учреждений и потом заведующим отделом генетики в Институте зоологии и биологии АН УССР.

Однако он был расстрелян в марте 1937 г. За биологизаторство социальных явлений, механицизм, дуализм и противоречивость критиковали учение И.П. Павлова. Под удар попали и технократические попытки на базе генетики и евгеники создать нового человека. Нападкам подвергались и другие отрасли биологии. Биогеохимические идеи В.И. Вернадского, обогатившие представление о сущности жизни, подвергли разгромной критике А.М. Деборин, А.А. Максимов, Д.И. Новогрудский, обвинившие его в создании специфического витализма, названного ими геохимическим. Труды Вернадского они объявили нематериалистическими и даже ненаучными. На этот раз критики не дождались покаяния и смирения. Резкую отповедь дал им сам Вернадский [6].

В 1932-1934 гг. уже предпринимались попытки сфабриковать процесс против Вавилова. У арестованных в разных городах биологов и агрономов собирали и выбивали сведения о контрреволюционной группе эсеро-народнического толка и ее вредительской деятельности в области семеноводства. Вавилов назывался идеологом и руководителем группы, которая имела целью вызвать голод в стране и как следствие его — крестьянское восстание. Лесовода В.М. Савича, арестованного в Хабаровске заставили назвать в числе вредителей известного краеведа В.К. Арсеньева и обвинить Вавилова в передаче шпионских сведений в Японию. Однако всё это явно не тянуло на показательный процесс, и полученные «показания» на время осели в следственных материалах [22].

Заведующий отделом кормовых культур П.П. Зворыкин был арестован вместе с какой-то группой научных работников (из ВИРа он был один), обвинявшихся в принадлежности к «Крестьянскому союзу». Он много рассказывал о том, как их запугивали, подвергали пыткам — допросы сутками подряд, лишение сна на длительные периоды. Зворыкин сказал, что он не мог этого вынести и "сознался" во всём. Подписал всё, что ему предлагали, а там были обвинения и других лиц. Завотделом считал своим моральным долгом всё рассказать Вавилову. На Николая Ивановича это произвело жуткое впечатление. Он говорил: «Я его не осуждаю, чувствую к нему большое сожаление... и всё-таки, всё-таки и презрение...». Вавилов вдруг осознал, как зыбко все на самом деле и как все неопределенно. Почва была выбита из-под ног. Все оставшиеся на свободе примеряли на себе и на себя ситуации вернувшихся людей.

В конце 1933 — начале 1934 гг. Сталину было отправлено письмо высоких чинов ОГПУ Прокофьева и Миронова, где были приведены показания ряда арестованных ранее «членов контрреволюционной организации в сельском хозяйстве» против Вавилова и его соратников Н.М. Тулайкова и Е.Ф. Лискуна. В письме Вавилов обвинялся в том, что он был членом ТКП, активным руководителем контрреволюционного заговора против советской власти в сельском хозяйстве [22].

Обвинения в адрес Вавилова, прозвучавшие в двух письмах ОГПУ и ставшие известными Сталину, определили судьбу Николая Ивановича.

По-видимому, хорошо зная и представляя угрожающую ему опасность, Николай Иванович сделал всё, чтобы затруднить возможность ареста. Он старался быть активным в административной и общественной сфере, не раздражать Сталина, от которого, в конечном счёте, зависела его судьба. Хотя недовольство исследователем генсек уже выражал открыто. Так, на одном из совещаний в Кремле в 1934 г., где обсуждался вопрос об орошении засушливых земель, как рассказывала Е.И. Барулина, Николай Иванович предложил использовать опыт США. Сталин прервал ученого словами: «Это вы, профессор, так думаете. Мы, большевики, думаем иначе» .

Видимо, именно личная смелость позволяла ему в тяжелых обстоятельствах продолжать свою активную деятельность. Однако он не теряет оптимизма: «Работаем и будем работать» — пишет он в это время М.О. Шаповалову в США. Большинство его иностранных корреспондентов и понятия не имели, в каких сложных и напряженных условиях он разрабатывал впечатляющие планы развития ВАСХНИЛ, ВИРа, создавал и укреплял сеть новых научных учреждений и зональных станций, руководил переездом в Москву Института генетики АН СССР и занимался обустройством института и его сотрудников. Он находился в дружеских отношениях и переписывался со многими выдающимися биологами, такими как С. Дарлингтон, Г. Мёллер, Д. Холдейн, Л. Денн, Д. Хаксли и др. Его корреспондентами были сотрудники Департамента сельского хозяйства США, редакторы журналов и издательств, руководители академий и музеев. Н.И. Вавилов настойчиво приглашал приехать в СССР на постоянную работу и возглавить отдел в ВИРе С.К. Харланда, крупнейшего специалиста по генетике и селекции хлопчатника [13].

Вавилов взглянул на мир растений с новой, еще неизвестной науке, позиции. Труды ученого определили поворот в теории и в методах исследований биологических наук во всем мире. Вавилов считал, что России необходимо соответствующее сортовое разнообразие растений, приспособленных ко всем климатическим зонам, а значит — нужен колоссальный исходный материал для селекционной работы. Идея создания в России генетического фонда растительности планеты сделалась основной идеей его жизни, как и задача устранения голода и решения продовольственной проблемы в целом. Агроном по образованию превратился еще и в крупнейшего географа-путешественника и популяризатора своих научных идей [14, 23].

Учитывая то, что происходило в то время в ВИРе, в ВАСХНИЛ и в стране, задаешься вопросом, насколько Вавилов представлял себе судьбу своего дела и свою собственную? Погруженный в научную деятельность он тем не менее занимал активную гражданскую позицию. Вспомним, что кроме знаменитого вавиловского «Жизнь коротка, надо спешить», им было сказано Н.М. Тулайкову ещё более определённо и весомо: «Дождаться некогда, пока настанет лучшее время». Суровая действительность второй половины 30-х гг. уже не располагала к иллюзиям, но всё же предвидеть размах последовавших репрессий вряд ли было возможно.

P.S.

С полным основанием Вавилов мог сказать, как он и говорил [5], что он служил не правительству, а своей родине...

Библиографический список

1. Баутин В.М., Глазко В.П. «Петровка» и Николай Иванович Вавилов (годы учебы и становления— 1906-1917). М., 2007. 244 с.
2. Бахтеев Ф.Х. Николай Иванович Вавилов. Новосибирск, 1987. 271 с.
3. Вавилов С.П. Очерки и воспоминания. М., 1991. 401 с.
4. Вавилов Ю.Н. В долгом поиске. Книга о братьях Николае и Сергее Вавиловых. Уральск, 2004. 368 с.
5. Вавилов Ю.Н., Рокитянский Я.Г. Интервью в парижском такси // Вестник РАН. 1997. № 11. С. 1032-1034.
6. Вернадский В.И. По поводу критических замечаний академика А.М. Деборина // Известия АН СССР. Сер. ОМОН. 1933. № 3. С. 406.
7. Глазко В.П. Николай Иванович Вавилов и его время. Хроника текущих событий. Киев, 2005. 448 с.

8. Дубинин Н.П. Генетика. Страницы истории. Кишинев, 1990. 400 с.
9. Есаков В.Д. Николай Иванович Вавилов: страницы биографии. М., 2008. 287 с.
10. Захаров П.А. Краткий очерк научной, научно-организационной и общественной деятельности ИИ Николай Иванович Вавилов (1887-1943). Материалы биобиблиографии учёных СССР. 3 изд. М., 1987.
11. Медведев Ж.А. Взлет и падение Лысенко. М., 1993. 348 с.
12. Мицкевич М., Токин Б. Эволюционную науку на службу соцстроительства // Учение Дарвина и марксизм-ленинизм. М., 1932. 127 с.
13. Николай Иванович Вавилов. Из эпистолярного наследия. 1929-1940. М., 1887. 490 с.
14. Научное наследие Н.И. Вавилова — фундамент развития отечественного и мирового сельского хозяйства // Материалы Международной научной конференции. 26-26 ноября 2007 г. М., 2008. С. 136-142.
15. Поповский М.А. «Дело академика Вавилова». М., 1991. 303 с.
16. Против механистического материализма и меныневиствующего идеализма в биологии. М.-Л., 1931. 104 с.
17. Резник С. Николай Вавилов. М., 1968. 334 с.
18. Рокитянский Я.Г. Николай Вавилов и Сталин. Неизвестная встреча. 15 марта 1929 года // Природа. 2009. № 12. С. 53-58.
19. Синская Е.Н. Воспоминания о Н.И. Вавиллове. Киев, 1991. 203 с.
20. Сойфер В. Власть и наука. История разгрома генетики в СССР. М., 1993. 706 с.
21. Соратники Николая Ивановича: сб. статей / под ред. В.А. Драгавцева. СПб., 1994. 607 с.
22. Суд палача. Николай Вавилов в застенках НКВД / сост. Я.Г. Рокитянский, Ю.Н. Вавилов, В.А. Гончаров. 2-е изд., доп. и испр. М., 2000. 552 с.
23. Nadham G.P. Where our food comes from. Retracing Nikolay Vavilov's Quest to End Famine. Island Press: Shearwater Books. Washington-Covelo — London, 2009. 223 p.
24. Pringl P. The Murder of Nikolai Vavilov. The story of Stalin's persecution of the great scientists of the twentieth century. New York, 2008. 371 p.

GUILTY IN DEATH (the chronicle of life of Nikolay Ivanovich Vavilov)

YU.N. VAVILOV, V.I. GLAZKO

Stages of life and creativity of N.I. Vavilov — the famous scientist, the organizer of scientific researches, the founder of the number of the scientific directions, in a context of the global social changes which had shaken Russia in the first half of the XX century are considered. Authors put forward a hypothesis of the real reasons and circumstances of arrest and death of the scientist.

Key words: N.I. Vavilov, genetics, Russia, society, traditions, cataclysms, agriculture, Stalin.

Информация об авторах

Вавилов Юрий Николаевич — д. физ.-мат. н.; ФГБУН Физический институт им. П.Н. Лебедева РАН; e-mail: postmaster@lebedev.m.

Глазко Валерий Иванович — д. с.-х. н., проф., акад. РАСХН (инстр. член) руководитель Центра нанобиотехнологий РГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязева (127550, г. Москва, ул. Тимирязевская, 49; e-mail: vglazko@yahoo.com).